

Марья Моревна

В некотором царстве, в некотором государстве жил-был Иван-царевич; у него было три сестры: одна Марья-царевна, другая Ольга-царевна, третья - Анна-царевна. Отец и мать у них померли; умирая, они сыну наказывали:

- Кто первый за твоих сестер станет свататься, за того и отдавай - при себе не держи долго!

Царевич похоронил родителей и с горя пошел с сестрами в зеленый сад погулять. Вдруг находит на небо туча черная, встает гроза страшная.

- Пойдемте, сестрицы, домой! - говорит Иван-царевич.

Только пришли во дворец - как грянул гром, раздвоился потолок, и влетел к ним в горницу ясен сокол, ударился сокол об пол, сделался добрым молодцем и говорит:

- Здравствуй, Иван-царевич! Прежде я ходил гостем, а теперь пришел сватом; хочу у тебя сестрицу Марью-царевну посватать.

- Коли люб ты сестрице, я ее не держу, - пусть идет!

Марья-царевна согласилась, сокол женился и унес ее в свое царство.

Дни идут за днями, часы бегут за часами - целого года как не бывало; пошел Иван-царевич с двумя сестрами во зеленый сад погулять. Опять встает туча с вихрем, с молнией.

- Пойдемте, пойдемте, сестрицы, домой! - говорит царевич.

Только пришли во дворец - как ударил гром, распалась крыша, раздвоился потолок, и влетел орел, ударился об пол и сделался добрым молодцем:

- Здравствуй, Иван-царевич! Прежде я гостем ходил, а теперь пришел сватом. И посватал Ольгу-царевну. Отвечает Иван-царевич:

- Если ты люб Ольге-царевне, то пусть за тебя идет; я с нее воли не снимаю.

Ольга-царевна согласилась и вышла за орла замуж; орел подхватил ее и унес в свое царство.

Прошел, еще один год; говорит Иван-царевич своей младшей сестрице:

- Пойдем, во зеленом саду погуляем! Погуляли немножко; опять встает туча с вихрем, с молнией.

- Вернемся, сестрица, домой!

Вернулись домой, не успели сесть - как ударил гром, раздвоился потолок и влетел ворон; ударился ворон об пол и сделался добрым молодцем; прежние были хороши собой, а этот еще лучше.

- Ну, Иван-царевич, прежде я гостем ходил, а теперь пришел сватом; отдай за меня Анну-царевну.

- Я с сестрицы воли не снимаю; коли ты полюбился ей, пусть идет за тебя.

Вышла за ворона Анна-царевна, и унес он ее в своё государство. Остался Иван-царевич один; целый год жил без сестер, и сделалось ему скучно.

- Пойду, - говорит, - искать сестриц. Собрался в дорогу, идет и видит - лежит в поле рать-сила побитая.

Спрашивает Иван-царевич:

- Коли есть тут жив человек - отзовись! Кто побил это войско великое?

Отозвался ему жив человек:

- Все это войско великое побила Марья Моревна, прекрасная королева.

Пустился Иван-царевич дальше, наезжал на шатры белые.

Выходила к нему навстречу Марья Моревна, прекрасная королева:

- Здравствуй, царевич, куда тебя бог несет - по воле аль по неволе?

Отвечал ей Иван-царевич:

- Добрые молодцы по неволе не ездят!

- Ну, коли дело не к спеху, погости у меня в шатрах.

Иван-царевич тому и рад, две ночи в шатрах ночевал, полюбился Марье Моревне и женился на ней.

Марья Моревна, прекрасная королева, взяла его с собой в свое государство; пожили они вместе сколько-то времени, и вздумалось королевне на войну собираться; покидает она на Ивана-царевича все хозяйство и приказывает:

- Везде ходи, за всем присматривай; только в этот чулан не заглядывай!

Он не вытерпел; как только Марья Моревна уехала, тотчас бросился в чулан, отворил дверь, глянул - а там висит Кощей Бессмертный, на двенадцати цепях прикован.

Просит Кощей у Ивана-царевича:

- Сжался надо мной, дай мне напиться! Десять лет я здесь мучаюсь, не ел, не пил - совсем в горле пересохло! Царевич подал ему ведро воды, он выпил и еще запросил:

- Мне одним ведром не залить жажды, дай еще!

Царевич подал другое ведро; Кощей выпил и запросил третье, а как выпил третье ведро - взял свою прежнюю силу, тряхнул цепями и сразу все двенадцать порвал.

- Спасибо, Иван-царевич! - сказал Кощей Бессмертный. - Теперь тебе никогда не видать Марьи Моревны, как ушей своих! - И страшным вихрем вылетел в окно, нагнал на дороге Марью Моревну, прекрасную королеву, подхватил ее и унес к себе.

А Иван-царевич горько-горько заплакал, снарядился и пошел в путь-дорогу:

- Что ни будет, а разыщу Марью Моревну!

Идет день, идет другой, на рассвете третьего видит чудесный дворец, у дворца дуб стоит, на дубу ясен сокол сидит. Слетел сокол с дуба, ударился оземь, обернулся добрым молодцем и закричал:

- Ах, шурина мой любезный! Как тебя господь милует?

Выбежала Марья-царевна, встретила Ивана-царевича радостно, стала про его здоровье расспрашивать, про своё житьё-бытьё рассказывать.

Погостил у них царевич три дня и говорит:

- Не могу у вас гостить долго; я иду искать жену мою, Марью Моревну, прекрасную королеву.

- Трудно тебе сыскать ее, - отвечает сокол. - Оставь здесь на всякий случай свою серебряную ложку: будем на нее смотреть, про тебя вспоминать.

Иван-царевич оставил у сокола свою серебряную ложку и пошел в дорогу.

Шел он день, шел другой, на рассвете третьего видит дворец еще лучше первого, возле дворца дуб стоит, на дубу орел сидит. Слетел орел с дерева, ударился оземь, обернулся добрым молодцем и закричал:

- Вставай, Ольга-царевна! Милый наш братец идет!

Ольга-царевна тотчас выбежала навстречу, стала его целовать-обнимать, про здоровье расспрашивать, про своё житьё-бытьё рассказывать. Иван-царевич погостил у них три денька и говорит:

- Дольше гостить мне некогда: я иду искать жену мою, Марью Моревну, прекрасную королеву.

Отвечает орел:

- Трудно тебе сыскать ее; оставь у нас серебряную вилку: будем на нее смотреть, тебя вспоминать.

Он оставил серебряную вилку и пошел в дорогу.

День шел, другой шел, на рассвете третьего видит дворец лучше первых двух, возле дворца дуб стоит, на дубу ворон сидит.

Слетел ворон с дуба, ударился оземь, обернулся добрым молодцем и закричал:

- Анна-царевна! Поскорей выходи, наш братец идёт.

Выбежала Анна-царевна, встретила его радостно, стала целовать-обнимать, про здоровье расспрашивать, про своё житьё-бытьё рассказывать.

Иван-царевич погостил у них три денька и говорит:

- Прощайте! Пойду жену искать - Марью Моревну, прекрасную королеву. Отвечает ворон:

- Трудно тебе сыскать её; оставь-ка у нас серебряную табакерку: будем на нее смотреть, тебя вспоминать.

Царевич отдал ему серебряную табакерку, попрощался и пошел в дорогу.

День шел, другой шел, а на третий добрался до Марьи Моревны.

Увидела она своего милого, бросилась к нему на шею, залилась слезами и промолвила:

- Ах, Иван-царевич! Зачем ты меня не послушался - посмотрел в чулан и выпустил Кощея Бессмертного.

- Прости, Марья Моревна! Не поминай старого, лучше пойдем со мной, пока не видать Кощея Бессмертного, авось не догонит!

Собрались и уехали. А Кощей на охоте был; к вечеру он домой ворочается, под ним добрый конь спотыкается.

- Что ты, несытая кляча, спотыкаешься? Али чуешь какую невзгоду? Отвечает конь:

- Иван-царевич приходил, Марью Моревну увез.

- А можно ли их догнать?

- Можно пшеницы засеять, дождаться, пока она вырастет, сжать ее, смолотить, в муку обратить, пять печей хлеба наготовить, тот хлеб поесть, да тогда вдогонь ехать - и то поспеем!

Кощей поскакал, догнал Ивана-царевича.

- Ну, - говорит, - первый раз тебя прощаю, за твою доброту, что водой меня напоил, и в другой раз прощу, а в третий берегись - на куски изрублю!

Отнял у него Марью Моревну и увез; а Иван-царевич сел на камень и заплакал.

Поплакал-поплакал и опять воротился назад за Марьей Моревною, Кощея Бессмертного дома не случилось.

- Поедем, Марья Моревна!

- Ах, Иван-царевич! Он нас догонит.

- Пускай догонит, мы хоть часок-другой проведем вместе.

Собрались и уехали. Кощей Бессмертный домой возвращается, под ним добрый конь спотыкается.

- Что ты, несытая кляча, спотыкаешься? Али чувствуешь какую невзгоду?

- Иван-царевич приходил, Марью Моревну с собой взял.

- А можно ли догнать их?

- Можно ячменю засеять, подождать, пока он вырастет, сжать, смолотить, пива наварить, допьяна напиться, до отвала выспаться да тогда вдогонь ехать - и то успеем!

Кощей поскакал, догнал Ивана-царевича:

- Ведь я ж говорил, что тебе не видать Марьи Моревны, как ушей своих!

Отнял ее и увез к себе.

Остался Иван-царевич один, поплакал-поплакал и опять воротился за Марьей Моревной; на ту пору Кощей дома не случилось.

- Поедем, Марья Моревна!

- Ах, Иван-царевич! Ведь он догонит, тебя в куски изрубит.

- Пускай изрубит! Я без тебя жить не могу. Собрались и поехали. Кощей Бессмертный домой возвращается, под ним добрый конь спотыкается.

- Что ты спотыкаешься? Али чувствуешь какую невзгоду?

- Иван-царевич приходил, Марью Моревну с собой взял.

Кощей поскакал, догнал Ивана-царевича; изрубил его в мелкие куски и покчал в смоленую бочку; взял эту бочку, скрепил железными обручами и бросил в синее море, а Марью Моревну к себе увез.

В то самое время у зятьев Ивана-царевича серебро почернело.

- Ах, - говорят они, - видно, беда приключилась!

Орел бросился на синее море, схватил и вытащил бочку на берег, сокол полетел за живой водою, а ворон за мертвою. Слетелись все трое в одно место, разбили бочку, вынули куски Ивана-царевича, перемыли и складили как надобно.

Ворон брызнул мертвою водою - тело срослось, соединилось; сокол брызнул живой водою - Иван-царевич вздрогнул, встал и говорит:

- Ах, как я долго спал!

- Еще бы дольше проспал, если б не мы! - отвечали зятя. - Пойдем теперь к нам в гости.

- Нет, братцы! Я пойду искать Марью Моревну! Приходит к ней и просит:

- Разузнай у Кощея Бессмертного, где он достал себе такого доброго коня.

Вот Марья Моревна улучила добрую минуту и стала Кощея выпрашивать.

Кощей сказал:

- За тридевять земель, в тридесятом царстве, за огненной рекою живет баба-яга; у ней есть такая кобылица, на которой она каждый день вокруг света облетает. Много у ней и других славных кобылиц; я у ней три дня пастухом был, ни одной кобылицы не упустил, и за то баба-яга дала мне одного жеребеночка.

- Как же ты через огненную реку переправился?

- А у меня есть такой платок - как махну в правую сторону три раза, делается высокий-высокий мост, и огонь его не достанет!

Марья Моревна выслушала, пересказала все Ивану-царевичу и платок унесла да ему отдала.

Иван-царевич переправился через огненную реку и пошел к бабе-яге. Долго шел он не пивши, не евши. Попалась ему навстречу заморская птица с малыми детками.

Иван-царевич говорит:

- Съем-ка я одного цыпленочка.

- Не ешь, Иван-царевич! - просит заморская птица. - В некоторое время я пригожусь тебе. Пошел он дальше, видит в лесу улей пчел.

- Возьму-ка я, - говорит, - сколько-нибудь медку. Пчелиная матка отзывается:

- Не тронь моего меду, Иван-царевич! В некоторое время я тебе пригожусь.

Он не тронул и пошел дальше, попадает ему навстречу львица со львенком.

- Съем я хоть этого львенка; есть так хочется, ажно тошно стало!

- Не тронь, Иван-царевич, - просит львица. - В некоторое время я тебе пригожусь.

- Хорошо, пусть будет по-твоему!

Побрел голодный, шел, шел - стоит дом бабы-яги, кругом дома двенадцать шестов, на одиннадцати шестах по человечесьей голове, только один незанятый.

- Здравствуй, бабушка!

- Здравствуй, Иван-царевич! Почто пришел - по своей доброй воле аль по нужде?

- Пришел заслужить у тебя богатырского коня.

- Изволь, царевич! У меня ведь не год служить, а всего-то три дня; если упасешь моих кобылиц - дам тебе богатырского коня, а если нет, то не гневайся - торчать твоей голове на последнем шесте.

Иван-царевич согласился, баба-яга его накормила-напоила и велела за дело приниматься. Только что выгнал он кобылиц в поле, кобылицы задрали хвосты, и все врозь по лугам разбежались; не успел царевич глазами вскинуть, как они совсем пропали. Тут он заплакал-запечалился, сел на камень и заснул.

Солнышко уже на закате, прилетела заморская птица и будит его:

- Вставай, Иван-царевич! Кобылицы теперь дома. Царевич встал, воротился домой; а баба-яга и шумит, и кричит на своих кобылиц:

- Зачем вы домой воротились?

- Как же нам было не воротиться? Налетели птицы со всего света, чуть нам глаза не выклевали.

- Ну, вы завтра по лугам не бегайте, а рассыпьтесь по дремучим лесам.

Переспал ночь Иван-царевич, наутро баба-яга ему говорит:

- Смотри, царевич, если не упасешь кобылиц, если хоть одну потеряешь - быть твоей буйной головушке на шесте.

Погнал он кобылиц в поле, они тотчас задрали хвосты и разбежались по дремучим лесам. Опять сел царевич на камень, плакал-плакал да и уснул.

Солнышко село за лес, прибежала львица:

- Вставай, Иван-царевич! Кобылицы все собраны. Иван-царевич встал и пошел домой; баба-яга пуще прежнего и шумит, и кричит на своих кобылиц:

- Зачем домой воротились?

- Как же нам было не воротиться? Набежали лютые звери со всего света, чуть нас совсем не разорвали.

- Ну вы завтра забегите в сине море. Опять переспал ночь Иван-царевич, наутро посылает его баба-яга кобылиц пасти:

- Если не упасешь - быть твоей буйной головушке на шесте.

Он погнал кобылиц в поле; они тотчас задрали хвосты, скрылись с глаз и забежали в сине море; стоят в воде по шею. Иван-царевич сел на камень, заплакал и уснул.

Солнышко за лес село, прилетела пчелка и говорит:

- Вставай, царевич! Кобылицы все собраны; да как воротисься домой, бабе-яге на глаза не показывайся, пойдя в конюшню и спрячься за яслями. Там есть паршивый жеребенок - в навозе валяется, ты укради его и в глухую полночь уходи из дому.

Иван-царевич встал, пробрался в конюшню и улегся за яслями; баба-яга и шумит, и кричит на своих кобылиц:

- Зачем воротились?

- Как же нам было не воротиться? Налетело пчел видимо-невидимо со всего света и давай нас со всех сторон жалить до крови!

Баба-яга заснула, а в самую полночь Иван-царевич украл у нее паршивого жеребенка, оседлал его, сел и поскакал к огненной реке. Доехал до той реки, махнул три раза платком в правую сторону - и вдруг, откуда ни взялся, повис через реку высокий мост. Царевич переехал по мосту и махнул платком на левую сторону только два раза - остался через реку мост тоненький-тоненький! Поутру пробудилась баба-яга - паршивого жеребенка видом не видать! Бросилась в погоню; во весь дух на железной ступе скачет, пестом погоняет, помелом след замечает.

Прискакала к огненной реке, взглянула и думает: "Хорош мост!"

Поехала по мосту, только добралась до середины - мост обломился, и баба-яга упала в реку; тут ей и лютая смерть приключилась! Иван-царевич откормил жеребенка в зеленых лугах, стал из него чудный конь. Приезжает царевич к Марье Моревне; она выбежала, бросилась к нему на шею:

- Как же ты опять живой?

- Так и так, - говорит. - Поедем со мной.

- Боюсь, Иван-царевич! Если Кощей догонит, быть тебе опять изрубленным.

- Нет, не догонит! Теперь у меня славный богатырский конь, словно птица летит.

Сели они на коня и поехали.

Кощей Бессмертный домой ворочается, под ним конь спотыкается.

- Что ты, несытая кляча, спотыкаешься? Али чуешь какую невзгоду?

- Иван-царевич приезжал, Марью Моревну увез.

- А можно ли их догнать?

- Бог знает! Теперь у Ивана-царевича конь богатырский лучше меня.

- Нет, не утерплю, - говорит Кощей Бессмертный, - поеду в погоню.

Долго ли, коротко ли - нагнал он Ивана-царевича, соскочил наземь и хотел было сечь его острой саблей; в те поры конь Ивана-царевича ударил со всего размаху копытом Кощея Бессмертного и разможил ему голову, а царевич доконал его палицей. После

того положил царевич груду дров, развел огонь, спалил Кощея Бессмертного на костре и пепел его пустил по ветру.

Марья Моревна села на Кощеева коня, а Иван-царевич на своего, и поехали они в гости сперва к ворону, потом к орлу, а там и к соколу.

Куда ни приедут, всюду встречают их с радостью:

- Ах, Иван-царевич, а уж мы не чаяли тебя видеть. Ну, да недаром же ты хлопотал: такой красавицы, как Марья Моревна, во всем свете поискать - другой не найти!

Погостили они, попиروвали и поехали в свое царство. Приехали и стали себе жить-поживать, добра наживать да медок попивать.